

Дихотомия политэкономии социализма 1960–1970-х гг.: между планом и рынком¹

Михаил И. ВОЕЙКОВ

доктор экономических наук

Институт экономики РАН

Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32

e-mail: mvok1943@mail.ru

Для цитирования: Воейков М. И. Дихотомия политэкономии социализма 1960-1970-х гг.: между планом и рынком // *AlterEconomics*. 2022. Т. 19, № 2. С. 391-406.

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-2.10>

Аннотация. Статья продолжает дискуссию, начатую на страницах журнала Р.М. Нуреевым и П.А. Ореховским (2021, № 2), о проблемах развития политической экономики социализма в двадцатилетие 1960–1970-х годов в СССР. В этот период в стране назревали существенные перемены в экономическом развитии, ощущалась потребность перехода от мобилизационной экономики к нормальному ходу экономического процесса на основе широкого использования товарно-денежных и рыночных отношений. Эти вопросы нашли отражение в политэкономических дискуссиях, в центре которых оказались проблемы сочетания плана и рынка. Дискуссия между «товарниками» и «планомерниками» стала центральной в политэкономическом дискурсе тех лет. Основное внимание в статье уделяется двум противоположным направлениям (школам) в политической экономике социализма: школа товарников Института экономики АН СССР (лидер Я.А. Кронрод) и школа планомерников, Кафедра политэкономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (лидер Н.А. Цаголов). Эта дискуссия позволила сформулировать основные принципы рыночной экономики и усомниться в реальности и жизнеспособности многих советских идеологических формул и клише. Тем не менее, эта дискуссия была административно прервана постановлением ЦК КПСС по Институту экономики АН СССР в 1971 году. В результате победили «планомерники» и было заторможено развитие рыночных начал в стране. Дискуссия между планом и рынком все же позволила сформулировать основные понятия и механизмы перехода от централизованно управляемой экономики к рыночной, что и произошло через 20 лет. Однако переход к рынку произошел столь стремительно и малограмотно, что экономика страны существенно пострадала. Политэкономы-рыночники конца советского периода выступали за рыночную экономику, но против рыночного общества. Но в этот период политическую экономию как учебную дисциплину отменили. А представить интеллектуальную историю России без политической экономики невозможно.

Ключевые слова: политическая экономия, рыночная экономика, буржуазные отношения, централизованное планирование, план и рынок, товарники, планомерники

¹ © Воейков М. И. Текст. 2022.

RESEARCH ARTICLE

The Dichotomy of Political Economy of Socialism in the 1960s and 1970s: Between Plan and the Market

Mikhail I. VOEYKOV

Dr. Sci. (Econ.), Professor

Institute of Economics of the RAS

32, Nakhimovsky prospect, Moscow, 117218, Russian Federation

e-mail: mvok1943@mail.ru

For citation: Voeykov, M. I. (2022). The Dichotomy of Political Economy of Socialism in the 1960s and 1970s: Between Plan and the Market. *AlterEconomics*, 19(2), 391-406.

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-2.10>.

Abstract. The study continues the discussion opened in this journal by R. M. Nureev and P. A. Orekhovsky (2021, No. 2) about the development of the political economy of socialism in the 1960s and 1970s in the USSR. Soviet economists of this period were highly aware of the imminent changes in the country's economy and especially of the need for a transition from the mobilization economy to a more normal economic cycle based on the broader use of commodity-money relations and market relations. These questions were at the centre of the debates between the proponents of economic planning and advocates of the «natural» market system: the latter school of thought consisted of researchers from the Institute of Economics of the Academy of Sciences and was led by Yakov Kronrod and the former were members of the Department of Political Economy of the Moscow State University led by Nikolai Tzagolov. This debate helped formulate the key principles of market economy and cast doubt on the feasibility of many Soviet ideological formulae and cliches. The discussion was put to an end by the administrative interference when the Central Committee of the Communist Party issued a decree in 1971, which led to the reorganization of the Institute of Economics. Thus, the school that supported economic planning won and the development of a rudimentary market economy was suppressed. As a result of this debate, however, the key concepts and mechanisms of the transition from the centrally planned to market economy (which happened two decades later) were formulated. In the post-Soviet period, the speed of the transition to the market economy and the inadequacy of the economic reforms caused significant damage to the country's economic system. Until the collapse of the USSR, the proponents of the market economy had continued to defend its advantages over the planned economy but did not support the idea of a market society. Although the political economy played a crucial role in the intellectual history of Russia, in the post-Soviet period, it largely lost its former significance.

Keywords: political economy, market economy, bourgeois relationship, centralized planning, plan and market, commodity workers, planners

UDK 330.858

JEL B24, B49

1. Введение. Исходные противоречия

Политическая экономия в России и в СССР имеет богатую и сложную историю. Конец XIX и начало XX веков ознаменовались в России интенсивным развитием политэкономического знания. Достаточно назвать труды таких российских ученых, как С.Н. Булгаков, Н.И. Зибер, М.И. Туган-Барановский, А.И. Чупров и многих других, как перед читателем откроется богатый мир российской политэкономической мысли. Но после революции 1917 г. политическую экономию отменили, ибо она тогда считалась буржуазной наукой. Например, Н.И. Бухарин писал в 1920 г.: «Теоретическая политическая экономия есть наука о неорганизованном социальном хозяйстве... Конец капиталистически-товарного общества будет концом и политической экономии» (Бухарин, 1990. С. 82–83). Так тогда считали мно-

гие. Затем после дискуссии 1951 г., не без влияния И.В. Сталина, политическую экономию вернули. И после выхода учебника «Политическая экономия» 1954 г. эта наука стала восприниматься как составная часть марксизма-ленинизма. Лидер политэкономической школы МГУ им. М.В. Ломоносова Н.А. Цаголов так и писал: «Политическая экономия является неотъемлемой составной частью марксистско-ленинской революционной теории. Она развивается в тесной связи с другими составными частями марксизма-ленинизма» (Цаголов, 1979. С. 7). Это была полная несообразность, а скорее политическая конъюнктура. Неужели М.И. Туган-Барановский, когда писал в начале XX века свою книгу «Основы политической экономии», полагал, что он работает в рамках марксизма-ленинизма? Однако после 1991 г. политическую экономию снова отменили. Видимо, в руководстве страны оказались хорошие выпускники экономфака МГУ, которые забыли или вовсе не читали других книг, кроме «Курса политической экономии» под редакцией Н.А. Цагорова.

Итак, политическая экономия социализма. Здесь в послевоенный период существовало несколько течений, или направлений, которые были не только апологетическими, но и пытались научно объяснить тогдашнюю экономическую систему. Можно и нужно исходить из факта существования политической экономии социализма с ее школами, дискуссиями и творцами. Это есть интеллектуальная история России. И чтобы двигаться дальше, т. е. развивать отечественную экономическую теорию для понимания того, что было в стране, что есть и что будет, надо анализировать и оценивать прошлую теорию. Попытка современной оценки политической экономии социализма советского периода предпринята уже в ряде работ: (Худокормов, 1998; Бузгалин, Корчагина, 2003; Кирдина, 2006; Ракитский, 2011; Воейков, 2012; Гловели, Гребнев, 2013 и др.) В этом ряду выделяется недавняя публикация Р.М. Нуреева и П.А. Ореховского, содержащая много интересных выводов и очень спорный тезис о «когнитивном тупике 1970-х» (Нуреев, Ореховский, 2021). И совершенно нельзя принять их итоговое заключение, что «ревизионизм» и «оппортунизм» некоторых советских политэкономов был вызван «актуальной на тот момент структурой когнитивности советской политэкономии, а отнюдь не «ползучими сталинистами» из ЦК КПСС» (Нуреев, Ореховский, 2021, С. 194). Сказано, конечно, красиво, даже не сразу понятно, но эти авторы начисто забыли погромное постановление ЦК КПСС по Институту экономики АН СССР 1971 года, в результате которого Институт был полностью реорганизован и некоторых сотрудников понизили в должностях. Но более подробно об этом скажем несколько дальше. Более того, эти авторы считают, что в центре основного политэкономического дискурса в 1960–1970-е гг. была проблема основного (или исходного) отношения политэкономии социализма, что в корне неверно. Конечно, дискуссия по поводу основного и исходного отношения была. И авторы правы в том, что эта дискуссия была достаточно схоластичной. Но основным предметом дискуссии в советской политэкономии в 1960–1970-е гг. была проблема соотношения планомерности и товарного производства (рынка). Жизнь требовала легализации рыночных отношений, а официальная советская идеология пропагандировала прямое административное управление экономикой, что тогда называли народнохозяйственным планированием. И вот именно это и составляло основной дискурс советской политической экономии тех времен.

Если брать период советского общества в 1960-е и 1970-е годы, когда дискуссии в советской политэкономии приняли масштабный характер и были действительно интересными, то надо учитывать несколько обстоятельств. Научная проработка теоретических вопросов постоянно наталкивала исследователей на проблему резкого расхождения реального экономического процесса и его идеологического оформления. С одной стороны, надо было соответствовать идеологическим схемам советской конструкции «марксизма-ленинизма», по крайней мере, далеко отсюда не выпадать. За это наказывали более сильно, чем за что-либо другое. Этот момент осложнялся еще тем, что данная идеологическая конструкция постоянно менялась. С другой стороны, надо было соответствовать классическому марксизму, ибо последний рассматривался как основа советской идеологической конструкции. Трудность здесь состояла в том, что конструкция «марксизма-ленинизма» далеко не всегда совпадала с классическим марксизмом (например, положение о строительстве социализма в отдельно взятой стране), и уже отсюда шла раздвоенность.

Разные научные коллективы подходили к этой проблеме по-разному. Так, коллектив кафедры политэкономии экономфака МГУ им. М.В. Ломоносова (лидер Н.А. Цаголов) основные усилия направил на разработку достаточно теоретических проблем, обосновывающих отрицание товарного характера «социалистического производства» и рыночных отношений при социализме, что, сохраняя стройность абстрактной марксистской теории, уводило в сторону от анализа реального экономического процесса. Зато в этой школе почти не было противоречий с классическим марксизмом и политическим начальством.

Как хорошо известно, Н.А. Цаголов никакого отношения к рыночному социализму не имел и даже, как также хорошо известно, был одним из принципиальных его критиков. Так, в 1968 г. он писал: «Видеть сущность социализма в том, что при социализме есть товарные отношения, это значит заблудиться в трех снах» (Цаголов, 1968. С. 10). В другой работе он писал: «Теория «рыночного социализма», распространенная на область экономической политики, означала бы, что централизованное народнохозяйственное планирование, выступающее как хозяйствование в масштабе общества, утрачивает свое значение, а следовательно, перестает действовать и вся совокупность экономических законов социализма», и несколько дальше: «Нельзя характеризовать социалистическое производство как товарное» (Цаголов, 1983. С. 113, 115). В этом и состоит специфическое отличие школы Цагорова. Более того, если каким-либо образом Цагорова подверстывать к рыночному социализму, то тогда становится совершенно непонятным смысл и содержание того научного направления, которое Цаголов возглавлял и олицетворял. Тогда пропадает специфика «школы Цагорова», ибо к рыночному социализму тяготели другие ученые. Сам Цаголов называет таких ученых: Е. Либерман, Л. Леонтьев, Г. Лисичкин, А. Бирман и Я. Кронрод. И если названные ученые работали в основном индивидуально, то Я.А. Кронрод, будучи заведующим сектором общих проблем политической экономии социализма в Институте экономики АН СССР, создал особую школу, или направление, в политэкономии социализма. И эти два направления (Цагорова и Кронрода) и дискуссия между ними определяли тонус политэкономических исследований в 1960–1970-е годы в СССР.

Ученые Института экономики АН СССР были обязаны заниматься реальными народнохозяйственными проблемами, где доминировали, хотя и в приглушенном

виде, товарные и рыночные отношения. Поэтому его теоретики и политэкономы вынуждены были искать пути непротиворечивого соединения хозяйственной реальности с господствующей политэкономической теорией. Но тем самым они оказывались в противоречивом, двойственном состоянии. Ибо создание адекватной практике теории по необходимости вело к ревизии сложившихся советских марксистско-ленинских формул.

Так, например, Я.А. Кронрод последовательно выступал за развитие рыночных отношений, товарного производства, закона стоимости, за экономическую демократию и т. д. Однако все это не были категории сугубо социалистических отношений и все это было очень трудно совместить с господствующими социалистическими императивами. Умные критики Кронрода все поняли и развернули по сути дела травлю ученого. Так, тот же Цаголов писал: «Критика воззрений на социалистическое производство как форму, вид товарного производства, особенно рьяно защищаемых Я.А. Кронродом, была начата сразу же после того, как она стала пропагандироваться в печати» (Цаголов, 1983. С. 114).

Конечно, сегодня можно говорить, что Цаголов боролся за «научные идеалы», за научную истину. Но когда говорят — боролся за что-то, то это означает и с кем-то. А с кем боролся Цаголов? С ЦК КПСС? Вряд ли. С этим почтенным учреждением никто тогда не боролся. Цаголов боролся со школой Кронрода, которая была в Институте экономики АН СССР. Между этими школами была настоящая теоретическая, если угодно даже идейная, борьба. Борьба, конечно, достаточно корректная, трудно припомнить какой-либо уничижительный выпад ни с одной стороны. Тем более что и Кронрод, и Цаголов, насколько известно, довольно уважительно относились друг к другу. Так, С.С. Дзарасов, будучи видным представителем школы Цагорова, тем не менее пишет: «Н.А. Цаголов и Я.А. Кронрод были наиболее яркими и значительными фигурами в области фундаментальной экономической теории в Советском Союзе. Оба были людьми неординарными и колоритными, имевшими множество сторонников в вузах, структурах власти и научно-исследовательских центрах страны» (Дзарасов и др. 2004. С. 235). Однако, у Кронрода в «структурах власти» никаких сторонников не было.

Тем не менее дискуссия между двумя школами — Института экономики АН СССР и кафедры политической экономии экономфака МГУ — была оживленной, а порой и острой. И надо сказать, что эта дискуссия и научная борьба не били же друг друга по головам, а пытались выискивать научные аргументы, доводы и логические конструкции, создавая необычайно интенсивный тонус в той экономической науке, которая тогда была в стране. Поэтому трудно согласиться со следующим выводом Р.М. Нуреева и П.А. Ореховского: «И если в 1950-е гг. политэкономия социализма вызывает живой интерес, то в 1970-е гг. она становится скучной» (Нуреев, Ореховский, 2021. С. 188). Совсем наоборот. В 1950-е гг. никаких масштабных дискуссий не было, а вот в 1960-е и 1970-е гг. были не только дискуссии, но и настоящая борьба. Б.В. Ракитский, вспоминая те годы, пишет: «Сверху, от ЦК КПСС, пошел политический заказ: найти и изобличить у нас в СССР зловерный «рыночный социализм». Две самые реакционные школы в политической экономии СССР — кузьминовская (Академия общественных наук при ЦК КПСС) и цаголовская (экономический факультет МГУ) — взялись исполнять этот заказ тоталитарной власти. Школа Я.А. Кронрода и Институт экономики АН СССР в целом оказались подходящей мишенью» (Ракитский, 2011. С. 100–101). И эти события

кому-то кажутся скучными!? Таким образом, можно сказать, что научная борьба двух школ (Цаголова и Кронрода) и олицетворяла собой существовавшую тогда политическую экономию социализма.

2. Противоречия реальности

Однако, чтобы понять смысл и направленность политэкономического дискурса 1960–1970-х гг., т. е. периода так называемого «застоя», надо понять, какой общественный строй существовал в СССР. Ведь политическая экономия изучает и объясняет именно общественно-экономический строй страны. И смысл дискуссии советских политэкономов в конечном счете сводился к определению общественного строя того периода. Периоды революций, мировых войн, восстановления народного хозяйства, индустриализации ставили перед обществом всем понятную и четкую цель, на достижение которой мобилизовались все силы страны. «Застой» — единственный период в истории советской России в XX веке, когда никакой экзогенной причины развития не было, стало быть, отсутствовала четкая цель в социально-экономической политике, потускнели и идеологические ориентиры.

Именно в этот период наиболее отчетливо и полно стали проявляться достоинства и недостатки, проблемы и противоречия общественного строя «государственного социализма». Внутренняя политика «развитого социализма» в основном была направлена на повышение эффективности производства и роста уровня материального благосостояния народа, качества и образа жизни людей. То есть цели, которые ставит и преследует любое правительство обычной капиталистической страны, даже любой частный предприниматель. Это обычные буржуазные ценности, сами по себе нужные и хорошие. Многие западные страны имели существенно большую эффективность производства и значительно более высокий уровень материального благосостояния населения, чем СССР в те годы. И никому из руководителей тех стран не приходило в голову объявлять, что они достигли больших рубежей в «строительстве коммунизма», чем Советский Союз.

Но тут необходимо сделать одно пояснение. Почти все советские экономисты считали советское общество застойного двадцатилетия социалистическим обществом. Это была исходная аксиома, и мало кто в этом сомневался. Иначе было нельзя. Но так как реальная жизнь не соответствовала марксистским представлениям о социализме, это порождало много противоречий и дискуссий. И почти все эти дискуссии имели ложную основу — представление о СССР как социалистическом обществе. В этой ловушке оказались почти все советские политэкономы. Хотя в ряде дискуссий высказывались вполне здравые мысли и чувствовалось стремление пробиться к истине, но последняя в тех политических условиях была просто недоступна. Сегодня в отечественной социальной науке утверждается положение, согласно которому как такового социализма, то есть социализма в его классической (марксистской) постановке, в России, да и в других странах, не было. Это ныне признают многие ученые. Так, профессор А.П. Бутенко, вспоминая то время, писал: «В то время наше общественное сознание и соответственно обществоведение еще не дозрели до признания существующего общества несоциалистическим... Лично я исходил из того, что наш строй обременен как врожденными, так и приобретенными пороками и очень далек не только от второй, но даже и первой фазы нового общества» (Бутенко, 2001. С. 91). А вот мнение академика Л.И. Абалкина:

«Исторический опыт показал, что социализма в реальности не было» (Абалкин, 2005, С. 114). То, что с социализмом в России не получилось, как это должно было вытекать из марксистской теории, означает, что, видимо, и сама Русская революция 1917 года не была социалистической. Русская революция в целом, несмотря на то, кто ее возглавил и что при этом говорил, имея конституирующих ее два этапа (февраль и октябрь), была по своим целям и движущим силам буржуазно-демократической революцией (подробнее см.: Воейков, 2017).

После периода «военного коммунизма» буржуазные принципы в экономической политике стали проявляться все больше и больше. И не как остатки прежней системы или незаконченности прежних мероприятий. Но теперь необъявленная буржуазность входила как принцип и новой власти. Это порождало много конфликтов, вызвало большую реакцию в самой партии. Можно даже сказать, что вся идеология «левой оппозиции» была вызвана именно этим.

В чем выражалась эта буржуазность? Прежде всего, конечно, в императивах экономического регулирования нормального хозяйственного развития. В усилении и укреплении денежного обращения и вообще всей финансово-кредитной системы, развитии хозяйственного расчета, рыночного оборота, торговли, развитии материального стимулирования труда, коммерческой самостоятельности государственных промышленных предприятий и т. д. Конечно, все эти меры были объективно необходимы, вызваны объективными обстоятельствами и были исторически и прагматически оправданы. Но они никак не вытекали из марксистской социалистической доктрины. Отсюда и известное выражение, что НЭП — это отступление.

Действительно, многие, если не все экономические мероприятия Советской власти были по своему характеру буржуазными. В данный термин я не вкладываю какого-либо оценочного смысла. Под буржуазностью в данном случае понимается стремление человека (или группы людей, слоя, класса) в своей повседневной и прежде всего хозяйственной деятельности следовать правилам рационального экономического поведения. Буржуазность — это скрупулезное соизмерение затрат и результатов труда, бережливость, экономичность, говоря по-старому, хозрасчет, доведенный до каждого человека. Даже на бытовом уровне почти каждый человек стремился минимизировать свои личные трудовые затраты и максимизировать результат. И в этом ничего плохого нет. Но буржуазность — это не просто экономическая рациональность и эффективность, а рациональность, возведенная в высший принцип существования, в религию. Наиболее типичной или классической религией буржуазного класса, как известно, является протестантизм. Поэтому в русских условиях советского периода буржуазность не проявлялась, так сказать, в чистых формах, тут было много своеобразия. Так, индивидуализм здесь не играл решающей роли.

Согласно общему мнению, например, индустриализация есть необходимый элемент формирования и развития капиталистического способа производства, а не элемент посткапиталистического развития. В России же индустриализация происходила в 1930-е годы, и только в результате нее страна перестала быть аграрной. Именно в развитии индустрии и как ее следствие зародились некоторые буржуазные отношения, такие как хозяйственный расчет, материальное стимулирование труда, премиальные системы, тарификация труда, ударничество и т. п. Конечно, это не был капитализм в классической форме, но все же это было господ-

ство своеобразных буржуазных экономических отношений, прикрытых социалистической фразеологией. Проблема здесь состоит в том, что руководство страны все это называло социализмом, что стало удобно и привычно. Поэтому экономическая практика наткнулась на многие противоречия: между материальным стимулированием труда и лозунгами равенства, между необходимостью прибыльного хозяйствования и решением социальных проблем, и в целом между социалистическими лозунгами и буржуазной действительностью. В этом противоречивом состоянии находилась и политическая экономия.

3. Российская ситуация

Вопрос в экономической науке после 1956 года, то есть после XX съезда партии, стоял так: или идти в экономических исследованиях к реальной экономической жизни и, стало быть, к рыночным отношениям, или же идти к абстрактной теории социализма, восстанавливая после сталинистских напластований аутентичный марксизм и идеальные представления о социалистическом обществе начала XX века. Последнее было менее опасно. Рыночников, в частности многих сотрудников Института экономики АН СССР, которые пошлись по первому пути, довольно быстро стали ругать и притеснять. Сторонников школы Цаголова, которые устремились по второму пути, стали, наоборот, поддерживать и выдвигать. Как раз сторонники и ученики Н.А. Цаголова заняли большинство ключевых постов в научно-партийном руководстве застойной эпохи.

Версия политической экономии, зафиксированная в первом послевоенном учебнике политической экономии 1954 года, уже очевидно требовала замены. В 1966 г. состоялась политэкономическая дискуссия, где как раз обсуждался проект нового труда по политической экономии социализма, способный заменить старый учебник 1954 года. Эту работу взялся делать Институт экономики АН СССР группой ученых во главе с Я.А. Кронродом. Выступая на той дискуссии, Я.А. Кронрод специально подчеркивал: «Я думаю, что попытка представить социализм как строй, которому не имманентны товарные отношения, внутренне не присущи, обрекает все дело анализа социализма на полное фиаско» (Кронрод, 2004. С. 176). Это был один путь развития экономической мысли. Но труд Института экономики так и не появился в печати.

Другой путь выбрала школа Цаголова. Его университетский «Курс политической экономии» исходной точкой концепции политэкономии социализма, как известно, взял планомерность. Но реальная жизнь была товарная, рыночная. Планомерность в этом случае могла ее только как-то упорядочить. Фундаментом хозяйственного руководства могли быть только рынок и рыночные отношения. Это, собственно говоря, и доказала современная рыночная трансформация. Рынок взорвал и отбросил плановое хозяйство. Суть дела состояла в том, что сама объективная экономическая жизнь требовала легализации рыночных отношений.

Почти все экономические реформы советского периода были направлены именно в эту сторону, и все они, как известно, «не удалась». Всякий раз, когда экономические реформы набирали динамику и мощь, их административно-волевым путем отменяли. Потому что развитие рынка в конечном счете противоречило бы идеологическим и политическим основам советского режима. Поэтому политический режим всегда насилывал экономику: временами репрессиями, временами авторитаризмом. Доставалось и ученым экономистам-рыночникам.

Дело в том, что политики, стоявшие у власти все послевоенное время, никакого отношения, кроме фразеологии, к социализму, да и марксизму в целом, не имели. Та модель, которую они объявляли социализмом, была им удобна для сохранения личной власти и благоустроенной жизни. «Идеология класса номенклатуры, — верно в этой связи пишет М. Восленский, — не марксизм и даже не ленинизм. Это сфабрикованная еще господствующим классом феодального общества охранительная идеология великодержавности, пересыпанная марксистскими терминами и включающая в себя ряд отдельных тезисов Маркса и Ленина» (Восленский, 1991. С. 410). Так же эту ситуацию охарактеризовал и Ота Шик: «Совершенно ясно, что эти «социалистические» политики, которые боятся прямой оценки народа, любую демократизацию общества будут считать угрозой социализму. Они идентифицируют социализм со своим господством, которое выдают за выбор рабочего класса» (Шик, 1991. С. 271). Естественно, что такие «умники», как Я.А. Кронрод, для которых марксизм был действительно научным мировоззрением и которые действительно пытались его развивать и как-то практически применять, были для политического начальства помехой.

Такая своеобразная ситуация, сложившаяся и окостеневшая именно в период «застоя», пожалуй, никогда и нигде не встречалась. В конце жизни Я.А. Кронрод такой строй назовет соцолигархизмом, «который берет свое начало в двух понятиях — социализация (обобществление) и олигархия (власть немногих, их политическое и экономическое господство). Им выражается некоторый социально-экономический феномен, возникший и развившийся в сложных перипетиях борьбы исторических сил за утверждение социализма в XX столетии... Итак, соцолигархизм — это сложившиеся в силу не предвиденного общественной наукой, так сказать, неклассического течения исторического процесса, специфически историческая, экономическая, социальная, политическая и социокультурная структура, общественное новообразование, которое выпадает из общей генеральной цепи исторического поступательного развития и включает в себе существенные элементы паразитизма и загнивания» (Кронрод, 1992. С. 192, 198). Несмотря на обилие разнообразной литературы социально-экономический строй советского периода еще плохо изучен и научно не объяснен. Например, как этот строй объяснить экономически, со стороны способа производства? Этот вопрос представляет крупнейшую проблему не только для отечественной литературы, но и для всей мировой общественной науки. В статье Р.М. Нуреева и П.А. Ореховского говорится, что характеристика советского общества как строя бюрократической олигархии давалась многими мыслителями задолго до Кронрода. Это, конечно, верно. Но Кронрод впервые в отечественной литературе сформулировал это положение, и надо сказать, что оно оказалось более объемным и глубоким.

4. Поле борьбы в политэкономии

Теперь напомним расстановку сил в политэкономических дискуссиях 1960–1970-х гг. В Москве наиболее крупными и известными были три школы в политической экономии социализма: кафедра политической экономии экономического факультета МГУ под руководством Н.А. Цаголова, в Академии общественных наук при ЦК КПСС кафедра экономических наук под руководством И.И. Кузьмина и в Институте экономики АН СССР — сектор общих проблем политической экономии социализма под руководством Я.А. Кронрода. Именно в дискуссиях, в по-

лемике, а порой и в борьбе между этими школами наиболее ярко проявились полемические свойства таланта лидеров этих школ¹. Экономико-математическое направление или, как тогда говорили, оптимальщики в методологическом смысле примыкали к университетской школе Н. А. Цаголова.

Если выделять самое крупное разделение этих школ, как впрочем и многих советских экономистов того времени, то это будет их отношение к «рыночному социализму», разделение на товарников и антитоварников. Конечно, прямо выражать симпатии к рыночному социализму осмеливались очень немногие. Организованная школа или направление в экономической теории в целом не могли брать на свои знамена рыночный социализм. Так, школы И. Кузьминова и Н. Цаголова к рыночному социализму относились явно отрицательно и критически агрессивно. Другое положение сложилось в школе Я. Кронрода.

Я. А. Кронрод один из немногих, кто в академической науке боролся против «безрыночного социализма». Он писал, что «сторонники концепции модели безрыночного социализма, цепляясь за цитаты, отрицают реальные факты социалистической действительности — товарный характер социалистического производства, реальные, экономически содержательные, связанные с законом стоимости товарно-денежные отношения и их формы — товар, деньги, цены и т. д.» (Кронрод, 1988. С. 245). Действительно, реальные процессы в советской экономической системе содержали полный набор рыночных категорий, и их надо было как-то «легализовать», т. е. представить в одеждах социализма. И тут, конечно, была проблема.

Известно, что некоторые представители университетского направления (МГУ) активно выступали сторонниками именно «безрыночного социализма». Можно добавить, что экономико-математическое направление в лице группировки СОФЭ чуть ли не официально взяло на вооружение концепцию «безрыночного социализма». Трудно удержаться, чтобы не процитировать многочисленные сочинения антирыночных сторонников СОФЭ, сотрудников ЦЭМИ АН СССР. К примеру, возьмем С. С. Шаталина, который писал в своей фундаментальной работе: «На наш взгляд, неправильными являются утверждения о том, что социалистические предприятия являются товаропроизводителями, а все поступающие в обмен и реализуемые через куплю-продажу средства производства и предметы потребления являются товарами по существу». «Товарами, по существу, не является и большая часть валовой продукции текущего производства, то есть именно та ее часть, объем и структура которой определяется обществом в народнохозяйственном плане, ко-

¹ С точки зрения развития экономической науки, конечно, ни в коей мере нельзя ограничиваться только этими тремя школами. Можно назвать целый ряд блестящих ученых из МИНХа им. Г. В. Плеханова (например, А. М. Бирмана, Ш. Я. Турецкого), из Московского финансового института и других вузов Москвы, Новосибирскую школу (А. Аганбегян, Т. Заславская, К. Вальтух), Ленинграда, Киева. Особняком стоит экономико-математическое направление, которое начало привлекать внимание целым рядом интересных постановок. Без всего этого никак нельзя представлять советскую экономическую науку 1960-х и 1970-х годов. Но в данном случае речь идет о другом. «Директивные органы» в проведении своей, с позволения сказать, экономической политики опирались или стремились опираться на «свои» научные центры. Прежде всего — это, естественно, была Академия общественных наук при ЦК КПСС (кафедра И. Кузьминова), затем вузы в лице МГУ (кафедра Н. А. Цаголова) и Академия наук (в лице Института экономики). Другие научные и учебные организации или просто не занимались теоретической экономией, или считались в какой-то мере «периферией». Повторяю, с точки зрения «директивных органов». С этой же точки зрения экономико-математическое направление вообще вызывало по многим причинам сильные подозрения.

торая реализуется по централизованно планируемыми твердым ценам государственного народнохозяйственного плана. В меньшей мере это утверждение относится к предметам потребления, поскольку одним из контрагентов при их реализации выступают члены общества, имевшие право свободного экономического выбора. Не правда ли, эта цитата очень напоминает конструкцию одного сверхпопулярного экономического сочинения 1952 года. И наконец, последняя характерная цитата: «Марксистской теорией строго установлено, какие экономические отношения в политической экономии характеризуются как специфический строй товарного производства, товарно-денежных отношений. Подвергать сомнению эти выводы политической экономии у нас нет никаких оснований. Прежде всего это относится к одному из важнейших теоретико-методологических положений марксистско-ленинской политической экономии о взаимоисключении планомерности как общей формы развития социалистических производственных отношений и товарных отношений, как исторической формы стихийного регулирования общественного производства» (Шаталин, 1982. С. 234, 238, 242).

Вообще в период 1960–1970-х гг. расцвели многие российские интеллектуалы, и именно в этот период, надо думать, были заложены научные основы позднейшей модификации общества. То были знаменитые шестидесятые. Косыгинская реформа 1965 года всколыхнула экономистов, дала повод говорить во весь голос не только о товарно-денежных отношениях «при социализме», но и о товарном производстве, рыночных отношениях, деньгах, прибыли, материальном стимулировании и т. п. реальных категориях рыночной экономики. Это был наиболее интересный период в развитии общественной мысли в нашей стране, когда, казалось бы, тоталитарный режим уже ослаб, и теоретическая мысль вроде бы пробивалась на свет, но судьбы ученых продолжало что-то крутить и выворачивать. Особенно это стало чувствоваться в конце 1960-х и позже.

Осенью 1969 г. в Институте экономике АН СССР было проведено заседание Ученого совета по обсуждению, как тогда утверждали, программы II этапа экономической реформы. Сейчас почти ясно, что экономическая реформа 1965 г. в целом «не пошла» не только потому, что в ней было много изъянов, но прежде всего потому, что она не была нужна тогдашнему политическому руководству страны, которое испугалось пражской весны 1968 года. Но в печати продолжали обсуждать реформистские мероприятия, некоторые экономисты думали над проблемами ее развития и углубления. Институт экономики АН СССР еще продолжал играть ведущую роль в разработке идеологии экономической реформы. Об этом есть свидетельства современников, свободных от излишних симпатий как к тому политическому режиму, так, думается, и к Институту экономики АН СССР. А. Каценелинбойген писал в 1977 году: «Институт экономики долгие годы занимался преимущественно идеологией. Однако в середине 60-х годов работники Института приняли активное участие в проводимой в стране экономической реформе. Ряд ведущих деятелей аппарата ЦК КПСС поддерживал Институт. Не будет преувеличением, если я скажу, что Институт был теоретическим штабом этой реформы... В начале 70-х годов, когда реформа была существенно свернута, Институт экономики был подвергнут резкой критике в постановлении ЦК КПСС» (Каценелинбойген, 1988. С. 195).

Имеется в виду дискуссия в январе 1971 г. о социализме как особом способе производства, которая проходила в Институте экономике АН СССР и после которой Институт решением ЦК КПСС был полностью реорганизован. Л. В. Никифоров,

который в то время был секретарем партийной организации Института экономики и получил партвыговор, описывал эту экзекуцию следующим образом. «Критика, — писал Л.В. Никифоров, — в полном объеме прозвучала при обсуждении работы Института экономики в ЦК КПСС. Там были вскрыты крупные теоретико-идеологические ошибки, установлен набор недостатков самого разного толка. В критике активное участие приняли некоторые члены Политбюро и секретари ЦК КПСС, крупные партийные работники и ряд директоров институтов Академии наук. Персонально главным объектом разностной критики стал Кронрод. В русском языке оказалось мало падежей, чтобы „от души” просклонять эту фамилию» (Никифоров, 2014. С. 19). Как пишут очевидцы тех событий, сектор Кронрода «был фактически ликвидирован, в Институт пришли последователи университетской школы, а молодые ученые, разделявшие взгляды Я. А., были вынуждены уйти в другие учреждения (Б.В. Ракитский, И.Я. Обломская); многие сотрудники подверглись прямой дискриминации. Никому из научных работников не прощалось признание заслуг ученого. Многим врезалась в память реплика Ю.А. Седышева, брошенная им во время одного из судилищ: „Кронрод — это глыба”. Эти слова стоили Ю.А. Седышеву перевода из сектора политэкономии в сектор информации» (Судьба ученого..., 1992. С. 155). Я.А. Кронрод из заведующего сектором был переведен в «исполнявшего обязанности» старшего научного сотрудника. Вот такой была судьба творческого ученого в советский период. А некоторые авторы сегодня пишут, что на политэкономические дискуссии тех лет влияла «коллективная когнитивная структура... а не внешнее политическое давление и репрессии» (Нуреев, Ореховский, 2021. С. 185). Видимо, эти авторы были тогда еще очень молодыми и плохо представляют себе тогдашнюю ситуацию в политической экономике.

5. Заключение

Советские экономисты, обосновывая необходимость товарного производства при социализме и действие закона стоимости, подталкивали развертывание всякого рода экономических реформ, развитие рынка в стране. Понимание социализма уточнялось, углублялось: прибавлялись фазы и этапы развития социализма, социализм отделялся от коммунизма и т. п. В общем, дело шло к пониманию необходимости перемен во многих сторонах жизни нашего общества. Без таких ученых, которые выступали за легализацию рыночных отношений, видимо, трудно говорить о новом этапе демократического развития страны.

Советские политэкономы периода «застоя» своими работами продолжили формирование особой культуры научного мышления в области экономической теории социализма. Трудно сказать, является ли это специфически русским интеллектуальным явлением, но нигде в мире мы не найдем столь мощное развитие социалистической ветви экономической теории в условиях тоталитарного режима. В конце XIX — начале XX века в России сложились уникальные условия для интеллектуального и культурного развития. И в самом деле — какую бы отрасль культуры ни взять (литература, живопись, музыка, театр), нельзя ни одну страну сравнить с Россией в ее «серебряный век». И наука здесь не исключение, в том числе экономическая. Именно тогда появились экономические сочинения В. Дмитриева, блестящие работы И. Кауфмана, А. Чупрова, П. Струве, М. Туган-Барановского, именно тогда сформировались А. Богданов, Н. Кондратьев, В. Новожилов, Е. Преображенский, И. Рубин, А. Чаянов и множество других.

Именно в этой ситуации, именно на российской почве получили развитие и своеобразное преломление многие идеи марксизма и социализма. Социалистическим обобщениям в той или иной мере отдали дань почти все крупнейшие русские философы и экономисты. Более того, социалистическую закваску можно, наверное, считать неперенным атрибутом российского интеллигента. Например, П.Б. Струве так и пишет: «Русская интеллигенция, как особая культурная категория, есть порождение взаимодействия западного социализма с особенными условиями нашего культурного, экономического и политического развития. До рецепции социализма в России русской интеллигенции не существовало, был только „образованный класс” и разные в нем направления» (Струве, 1991. С. 151). И никто из великих российских интеллигентов не считал социалистические теории интеллектуальным недоразумением, даже если и сравнительно далеко отошел от них впоследствии.

Многие советские экономисты, сформировавшиеся в довоенное время, восприняли как ту русскую культурную среду, остатки «серебряного века», так и остатки его представителей. С полным основанием можно утверждать, что Кронрод и Цаголов продолжали дело российских мыслителей, которых дал наш серебряный век.

Поэтому таких ученых следует, наверное, рассматривать в целом как продукт отечественной интеллектуальной почвы, пропитанной марксизмом и социализмом, как закономерное явление развития русской общественной мысли. В этой связи представляется некорректной сама постановка вопроса о якобы зря потраченных годах на исследования социалистической доктрины. Советские политэкономы не могли поступать иначе: раз они заинтересовались социальными проблемами, то к ним можно было подходить в реальных условиях российского общества, только через марксизм, только в социалистической трактовке. Таков был императив российских общественных условий и развития общественной жизни тех лет.

Наконец, это наша история. Негоже забывать ее, и тем более перечеркивать. Историю экономической мысли в СССР невозможно представить без имен Я.А. Кронрода и Н.А. Цаголова, без их трудов, борьбы. Сейчас политическая экономия изгоняется из высших учебных заведений, осталось лишь несколько кафедр политической экономии, но и они преподают в основном макро- и микроэкономику. Хотя еще недавно было все наоборот. Это трудно понять. Можно согласиться с тем, что есть другие теории, которые надо изучать и развивать, но это не означает, что надо хоронить политическую экономию в целом. Можно сказать, что Кронрод и Цаголов и их соратники были из тех основополагающих ученых, которые задавали тон развитию политической экономии.

Мы сейчас живем, конечно, в удивительное время. Время великих перемен и время великого невежества. Некоторые отчаянные «переменители» пытаются выбросить или забыть все то, что несет отпечаток социалистичности, все то, что как-то утвердилось за 74 года советской власти. Все мы ощущаем довольно энергичные попытки перечеркнуть экономическую теорию советского периода, забыть политическую экономию. Тут кстати можно привести слова Л.И. Абалкина: «Меня волнует и беспокоит больше всего — это попытка в очередной раз создать пустыню в истории отечественной мысли. Мы не раз этим занимались. Мы помним о горьких уроках прошлого. Но сегодня хотим устроить очередную пустыню, вычеркнув несколько десятилетий в развитии экономической, философской, социологической мысли в нашей стране. Это — очень опасная затея» (Абалкин, 2001. С. 16).

Список источников

- Абалкин Л. И.* В поисках новой парадигмы социально-экономического развития // Наука и власть: Воспоминания ученых-гуманитариев и обществоведов. М.: Наука, 2001. С. 16–35.
- Абалкин Л. И.* Взгляд в завтрашний день. М.: Институт экономики РАН. 2005. 126 с.
- Политическая экономия социализма в экономической теории XXI века. Материалы дискуссии / Под редакцией А. В. Бузгалина, З. А. Корчагиной. М.: ТЕИС, 2003. 109 с.
- Бутенко А. П.* Противоречие — не только источник развития // Наука и власть: Воспоминания ученых-гуманитариев и обществоведов. М.: Наука, 2001. С. 75–106.
- Бухарин Н. И.* Избранные произведения. М.: Экономика, 1990. 542 с.
- Воейков М. И.* Советская политическая экономия: оценки и переоценки. М.: Институт экономики, 2012. 66 с.
- Воейков М. И.* Великая российская революция: экономическое измерение. М.: Институт экономики РАН, 2017. 57 с.
- Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия, 1991. 624 с.
- Гловели Г. Д., Гребнев Л. С.* Политэкономия СССР: критические очерки. М.: Институт экономики, 2013. 72 с.
- Дзарасов С. С., Меньшиков С. М., Попов Г. Х.* Судьба политической экономии и ее советского классика. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 454 с.
- Каценелинбойген А.* Советская политика и экономика. Кн. 2. Vermont, the USA: Chalidze Publications, 1988. 276 с.
- Кирдина С. Г.* «Блеск и нищета» политической экономии социализма // Журнал экономической теории. 2006. № 2. С. 19–39.
- Кронрод Я. А.* Планомерность и механизм действия экономических законов социализма. М.: Наука, 1988. 384 с.
- Кронрод Я. А.* Очерки социально-экономического развития XX века. М.: Наука, 1992. 236 с.
- Кронрод Я. А.* Выступление / Политэкономическая дискуссия 1966 года // Экономико-философские тетради. Вып. 2. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 171–176.
- Никифоров Л. В.* Яков Абрамович Кронрод // Я. А. Кронрод в прошлом и настоящем / Под ред. Т. Е. Кузнецовой. М.: ИЭ РАН, 2014. С. 10–23.
- Нуреев Р. М., Ореховский П. А.* Дискуссии вокруг основного производственного отношения в политэкономии социализма: когнитивный тупик 1970-х // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18, № 2. С. 185–196. DOI: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-2.2>.
- Ракитский Б. В.* Быль о том, как официальная политэкономия СССР выдумала идейного врага — «рыночный социализм» — и как с ним боролась // Социализм после социализма. Новый интеллектуальный вектор / Под ред. М. И. Воейкова. СПб.: Алетейя, 2011. С. 93–107.
- Струве П. Б.* Интеллигенция и революция // Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. М.: Мол. гвардия, 1991. С. 136–152.
- Судьба ученого и трагедия науки. (К 80-летию со дня рождения Я. А. Кронрода) / Отв. ред. Л. И. Абалкин. М.: Наука, 1992. 213 с.
- История экономических учений (современный этап) / Под ред. А. Г. Худокормова. М.: ИНФРА-М, 2002. 733 с.
- Цаголов Н. А.* Метод «Капитала» К. Маркса и вопрос о пределах абстракции в политической экономии социализма // Метод «Капитала» и вопросы политической экономии социализма / Под ред. Н. А. Цаголова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. С. 5–34.
- Цаголов Н. А.* Главные методологические проблемы политической экономии на современном этапе // Актуальные проблемы политической экономии / Под ред. Н. А. Цаголова. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1979. С. 7–33.
- Цаголов Н. А.* Вопросы теории производственных отношений социализма. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1983. 368 с.

Шаталин С. С. Функционирование экономики развитого социализма. М.: Изд-во МГУ, 1982. 384 с.

Шук О. Весеннее возрождение — иллюзии и действительность. М.: Прогресс, 1991. 392 с.

References

Abalkin, L. I. (2001). V poiskakh novoy paradigmy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [In search of a new paradigm of socio-economic development]. *Nauka i vlast': Vospominaniya uchenykh-gumanitariyev i obshchestvovedov* [Science and power: Memoirs of Humanities and Social scientists]. Moscow, Russia: Nauka, 16–35. (In Russ.)

Abalkin, L. I. (2005). *Vzglyad v zavtrashniy den'* [The look into tomorrow]. Moscow, Russia: Institute of Economics of the RAS, 126. (In Russ.)

Buzgalin, A. V. & Korchagina, Z. A. (Eds.) (2003). *Politicheskaya ekonomiya sotsializma v ekonomicheskoy teorii XXI veka. Materialy diskussii* [The Political Economy of Socialism in the Economic Theory of the XXI Century. Discussion materials]. Moscow, Russia: TEIS, 109. (In Russ.)

Butenko, A. P. (2001). Protivorechie — ne tol'ko istochnik razvitiya [Contradiction is not only a source of development]. *Nauka i vlast': Vospominaniya uchenykh-gumanitariyev i obshchestvovedov* [Science and power: Memoirs of Humanities and Social scientists]. Moscow, Russia: Nauka, 75–106. (In Russ.)

Bukharin, N. I. (1990). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Russia: Ekonomika, 542. (In Russ.)

Voeykov, M. I. (2012). *Sovetskaya politicheskaya ekonomiya: otsenki i pereotsenki* [Soviet political Economy: evaluation and revaluations]. Moscow, Russia: Institute of Economics, 66. (In Russ.)

Voeykov, M. I. (2017). *Velikaya rossiyskaya revolyutsiya: ekonomicheskoe izmerenie* [Great Russian Revolution: the Economic dimension]. Moscow, Russia: Institute of Economics of the RAS, 57. (In Russ.)

Voslensky, M. S. (1991). *Nomenklatura. Gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuz* [Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union]. Moscow, Russia: «Soviet Russia», 624. (In Russ.)

Gloveli, G. D. & Grebnev, L. S. (2013). *Politekonomiya SSSR: kriticheskie ocherki* [Political Economy of the USSR: critical essays]. Moscow, Russia: Institute of Economics, 72. (In Russ.)

Dzharasov, S. S., Menshikov, S. M. & Popov, G. H. (2004). *Sud'ba politicheskoy ekonomii i ee sovetskogo klassika* [The destiny of political economy and its Soviet classic scholar]. Moscow, Russia: Alpina Business Books, 454. (In Russ.)

Katsenelinboigen, A. (1988). *Sovetskaya politika i ekonomika* [Soviet Politics and Economy]. Book 2. Vermont, the USA: Chalidze Publications, 276. (In Russ.)

Kirdina, S. G. (2006). “Blesk i nishcheta” politicheskoy ekonomii sotsializma [“The Glory and the Poverty” of Political Economy of Socialism]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Russian Journal of Economic Theory], 2, 19–39. (In Russ.)

Kronrod, J. A. (1988). *Planomernost' i mekhanizm deystviya ekonomicheskikh zakonov sotsializma* [The regularity and mechanism of action of the economic laws of socialism]. Moscow, Russia: Nauka, 384. (In Russ.)

Kronrod, J. A. (1992). *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya XX veka* [Essays on the socio-economic development of the twentieth century]. Moscow: Nauka, 236. (In Russ.)

Kronrod, J. A. (2004). Vystuplenie. Politekonomicheskaya diskussiya 1966 goda [Speech. Political economic discussion of 1966]. *Ekonomiko-filosofskie tetrad* [Economic and philosophical notebooks], 2. Moscow: Editorial URSS, 171–176. (In Russ.)

Nikiforov, L. V. (2014). Jacob Kronrod [Jacob Kronrod]. *J. Kronrod v proshlom i nastoyashchem* [J. Kronrod in the past and present]. In T. E. Kuznetsov (Eds.). Moscow, Russia: IE RAS, 10–23. (In Russ.)

Nureev, R. M. & Orekhovskiy, P. A. (2021). Diskussii vokrug osnovnogo proizvodstvennogo otnosheniya v politekonomii sotsializma: kognitivnyy tupik 1970-kh [Debates around the Basic Production Relationship in Political Economy of Socialism: The Cognitive Deadlock in the 1970s]. *Zhurnal*

ekonomicheskoy teorii [Russian Journal of Economic Theory], 18(2), 185–196. DOI: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-2.2> (In Russ.)

Rakitsky, B. V. (2011). Byl' o tom, kak ofitsial'naya politekonomiya SSSR vydumala ideynogo vraga — «rynochnyy sotsializm» — i kak s nim borolas' [The Tale of How Official Political Economy Invented an Ideological Adversary — “Market Socialism” — And Fought It]. *Sotsializm posle sotsializma. Novyy intellektual'nyy vektor [Socialism after Socialism. A new intellectual vector]*. In M. I. Voeykov (Eds.). St. Petersburg, Russia: Aleteya, 93–107. (In Russ.)

Struve, P. B. (1991). Intelligentsiya i revolyutsiya [Intelligentsia and Revolution]. *Vekhi. Intelligentsiya v Rossii [“Vekhi”. Intelligentsia in Russia]*. Collection of articles 1909–1910. Moscow: Young guard, 136–152. (In Russ.)

Abalkin, L. I. (Eds.). (1992). *Sud'ba uchenogo i tragediya nauki. (K 80-letiyu so dnya rozhdeniya Ya. A. Kronroda) [The fate of a scientist and the tragedy of science. (To the 80th anniversary of the birth of J. Kronrod)]*. Moscow, Russia: Nauka, 213. (In Russ.)

Khudokormov, A. G. (Eds.) (2002). *Istoriya ekonomicheskikh ucheniy (sovremennyy etap) [History of Economic Studies (Modern Stage)]*. In A. G. Khudokormov (Eds.). Moscow, Russia: INFRA-M, 733. (In Russ.)

Tsagolov, N. A. (1968). Metod «Kapitala» K. Marksa i vopros o predelakh abstraktsii v politicheskoy ekonomii sotsializma [The method of K. Marx's “Capital” and the question of the limits of abstraction in the political economy of Socialism]. *Metod “Kapitala” i voprosy politicheskoy ekonomii sotsializma [The method of “Capital” and questions of the political economy of socialism]*. In N. A. Tsagolov (Eds.). Moscow, Russia: Publishing house of Moscow university, 5–34. (In Russ.)

Tsagolov, N. A. (1979). Glavnye metodologicheskie problemy politicheskoy ekonomii na sovremen-nom etape [The main methodological problems of political economy at the present stage]. *Aktual'nye problemy politicheskoy ekonomii [Actual problems of political economy]*. In N. A. Tsagolov (Eds.). Moscow, Russia: Publishing House of Moscow university, 7–33. (In Russ.)

Tsagolov, N. A. (1983). *Voprosy teorii proizvodstvennykh otnosheniy sotsializma [Questions of the theory of production relations of socialism]*. Moscow, Russia: Publishing House of Moscow university, 368. (In Russ.)

Shatalin, S. S. (1982). *Funktsionirovanie ekonomiki razvitogo sotsializma [Functioning of the economy of developed socialism]*. Moscow, Russia: Publishing House of Moscow State University, 384.

Shik, O. (1991). *Vesennee vozrozhdenie — illyuzii i deystvitel'nost' [Spring revival — illusions and reality]*. Moscow, Russia: Progress, 392. (In Russ.)

Дата поступления рукописи: 18.02.2022.

Прошла рецензирование: 20.03.2022.

Принято решение о публикации: 25.03.2022.

Received: 18 Feb 2022.

Reviewed: 20 March 2022.

Accepted: 25 March 2022.